

НЕКОТОРЫЕ НАЗВАНИЯ ПТИЦ СО ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫМИ КОРНЯМИ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Статья посвящена изучению названий птиц, производных от звукоподражаний. В ней отмечается, что такие названия в карачаево-балкарском языке в основном образуются без аффиксов и бывают простыми, тогда как сложных и образованных от аффиксов – единицы.

Ключевые слова: фоносемантика, звукоподражание, орнитоним, этимологизация, звукоподражательная основа, аффиксация.

В последние годы тюркская лексикология достигла значительных успехов в области изучения различных лексических пластов, в том числе и лексики, относящейся к названиям животных и птиц.

Настоящая статья посвящена лишь части этого обширного материала – некоторым названиям домашних и диких птиц со звукоподражательными корнями.

Фоносемантика, или звукоподражание, и логически, и лингвистически уже утвердилась как самостоятельная отрасль языкознания (Авронин, 2006: 6–21). Но она выросла не на пустом месте, а опирается на взгляды ученых с древнейших времен до настоящего времени (там же).

В связи с этим следует отметить, что птичий голоса, воспринимаемые слуховым аппаратом человека, не поддаются абсолютно точному воспроизведению в потоке речи и вследствие этого зачастую трансформируются в языке при помощи ассоциаций [1, с. 96].

Л.А. Булаховский, подчеркивая значение народной этимологии при обозначении названий птиц со звукоподражательными корнями, отмечает возможность появления позднейших подновлений названий и связывает это с народно-этимологическим осмыслением. Так, названия *синица* и *сплюшка* в русском языке, исторически восходящие к звукоподражательным словам, по созвучию рано подверглись народно-этимологическому осмыслению, связывающими их с понятиями «синий» и «спать» [2, с. 97–125].

В связи с адаптацией птичьих голосов к человеческой речи М. Мягер отмечает: «Народная этимология часто идет» путем золотой середины между звуками природы и человеческой речью,

она как бы приспособливает птичий крик к слову, сходному по звучанию» [8, с. 22].

Историко-этимологический анализ орнитонимов в тюркских языках показывает, что в основе значительного количества наименований древнейшего состава лежит звукоподражательность [1, с. 11].

Она предполагает несколько приемов, с помощью которых можно определить отнесенность данного орнитонима к звукоподражательным словам.

Рассмотрим несколько примеров из карачаево-балкарского языка с корнем, имеющим звукоподражательный характер.

Къуу в карачаево-балкарском языке обозначает «лебедь». В кумыкском языке встречается в форме *къув* в том же значении. В ДТС встречается в форме *gυu* (464). В кирг. и алт. языках *куу*, ккалп. *аққуу*, в хак. *хуу*, в тур. *kuği* название это происходит от подражания звуку, который издают лебеди при полете. Древнетюркское *gυu*, как отмечает Д.Х. Базарова, восходит к звукоподражанию *ку-ку*, сохранившемуся в узбекском языке в значении подражания клохтанию курицы и воркованию горлинки: *қуқула* – «клохтать, ворковать». Следует отметить, что крик лебедя передается подобным образом и в неродственных языках: в удэйском языке передается звукоподражанием *ку-ку* [4, с. 184], а в нанайском *ку* обозначает «курлыханье лебедя» [6, с. 14], эстонское название лебедя также этимологизируется как звукоподражательное *kuigas* [8, с. 7], греческое *kuklos* с тем же значением.

Тартар в карачаево-балкарском языке обозначает «коростель, дергач». В кумыкском языке тоже «дергач, коростель», переносно: *тартарка*. В кир-

гизском языке то же значение: ср. посл. *тартар тилене тартар* «коростель пропадет за свой язык». Широко распространено в татарском – *тартар* «коростель». Ср. киргизскую звукоподражательную глагольную форму *тарк-ыл-дак* «издавать неприятный, скрипучий звук», образовавшую некоторые названия птиц: *боз тарк-ыл-дак* «рябинник», *чаар тарк-ыл-дак* «деряба» (КРС¹: 209).

В пользу звукоподражательного характера этого слова говорит и татарская поговорка: *тартар теленнэн табар* «коростеля находят по голосу, дергача язык подводит» (досл. *У коростеля все беды от языка*). На звукоподражательную основу данного орнитонима указывает и Э.И. Сафина [11, с. 11].

Кукук в карачаево-балкарском языке обозначает «кукушка» (ТСКБЯ II: 390). В кумыкском языке употребляется другое слово – *ат чёк* (КРС²: 52). Слово встречается в турецком языке в форме *kiki, kikisi* «кукушка», в татарском имеет форму *күке, кәккүк* (РТС 1985: 230), в гагаузском языке встречается в форме *куку* «кукушка» (ГРМС 1973: 239). В киргизском языке есть слово *кук*, звукоподражание крику ворона (КРС¹: 439). Во всех этих языках, в том числе и в карачаево-балкарском языке, это название носит звукоподражательный характер – птице дано название по его специфическому крику – *кукук* или *куккук*.

На звукоподражательный характер данного орнитонима указывает Э.В. Севортян *kiki, guguk* «кукушка» [12, с. 41].

Булбул в карачаево-балкарском языке обозначает «соловей» (ТСКБЯ I: 512). В кумыкском языке встречается в форме *бюлбюл* (ШКРС: 455), в кирг. *булбул* «соловей» (КРС¹: 158). Относительно слова *булбул* К. Ибрагимов отмечает: «В большинстве тюркских языков в значении “соловей” наиболее часто встречается слово *былбыл*, существующее в различных фонетических вариантах: узб., кирг., уйгурск., карач.-балк., казах. *булбул*, тур. *bülbül*, азерб. *бүлбүл*, туркм., ног. *билбил*, ккалп. *булбул*, кум. *бюлбюл*. В древнетюркских памятниках и в словаре М. Кашгарского отмечается наиболее древняя форма обозначения соловья – *sanduvaç* (ДТС: 484).

В восточно-тюркских языках это же значение передается совершенно другими основами – тув. *айлаң кумкаш*, алт. *тоорчык*. В якутском и хакасском языках в этом значении употребляется русское заимствование. В русском языке соловей обозначается словом *шанчак* (там же).

Бакъбакъ в карачаево-балкарском языке обозначает «кряква». Это слово ни в одном словаре карачаево-балкарского языка не отмечено. Единственное слово, встречающееся в ТСКБЯ – это *бакъ-бакъ* – обозначает звукоподражание кряканию утки» (321). А звукоподражание перешло в название кряквы – *бакъбакъ*. В киргизском языке *бак-бак* обозначает звукоподражание крику козла (КРС¹: 99). Само русское слово *кряква* тоже образовано из звукоподражания.

Дауурбасчы в карачаево-балкарских словарях не отмечен в значении «дятел», а есть значение «барabanщик» (ТСКБЯ I: 656). Видимо имя образовано метафорически: барабанщик бьет в барабан, и в лесу дятел тоже бьет по дереву клювом. Слово это зафиксировано в кандидатской диссертации Ш. Шаваевой «Зоонимическая лексика в карачаево-балкарском языке» [13, с. 163].

Донгкьулдакъ в карачаево-балкарском обозначает «дятел бурый». Это слово также не зафиксировано в словарях. Оно зафиксировано у Ш. Шаваевой (там же). В карачаево-балкарском языке *донг* тоже обозначает звукоподражание (ТСКБЯ I: 681).

В названиях домашних птиц тоже есть звукоподражательные слова. В карачаево-балкарском языке понятие «домашняя птица» передается словосочетанием *юй къанатлыла*, т.е. «домашние птицы», а дикие птицы соответственно – *кийик къанатлыла* «дикие птицы». В кумыкском языке эти же понятия передаются соответственно, как отмечает Р.Н. Ольмесов: «По отношению к диким птицам обычно употребляется слово *къыр къушлар*, к домашним – *юй жанлар*» [9, с. 109].

Рассмотрим ряд названий птиц и детенышей, которые имеют в основе названия звукоподражательные элементы.

Гура / гогуш – индюк домашний (ТСКБЯ I: 621). В карачаевском варианте карачаево-балкарского языка употребляется *гогуш* «индюк, индюшка» (КБРС: 187), в балкарском варианте – *гура* «индюк, индейка».

В кумыкском языке употребляется слово *гюр-гюр* (ШКРС: 171), в татарском *кюрке* «индейка» (ТРС: 340), в башкирском языке *куьркэ* «индюк» (БРС: 47), в ногайском языке *атаман коькис* «индюк», *ургаши коькис* «индюшка», третий вариант карач.-балк. *гогуш*, видимо, восходит к ногайскому источнику. Все они являются звукоподражательными именами [9, с. 110]. В карачаево-балкарском языке дифференциация птиц по

полу лексически, кроме курицы «*тауукъ*» и пехуа «*къыттай, гузурукку*», не проводится.

В отношении индюков тоже. Индюка называют «*эркек гогуш / гура*», а индюшку «*тиши гура / гогуш*».

Гурт тауукъ в карачаево-балкарском языке обозначает курицу-наседку. *Гурт* может употребляться и без слова *тауукъ* (ТСКБЯ I: 622). *Гурт* образовался по звукоподражательному типу от звука, издаваемого наседкой во время сидения на яйцах.

Джюджек/жюжек в карачаево-балкарском языке обозначает «цыпленок» (ТСКБЯ I: 999). В кумыкском языке тоже *джюжек* «цыпленок» [9, с. 115]. В других тюркских языках употребляются близкие названия, ср.: тат. *чеби, чебеш, чипи бала* [10, с. 44]; башк. *себеш* [7, с. 323]. В.Г. Егоров возводит данное слово к звукоподражательному (писку птенцов) слову «чип-чип» [5, с. 323], с чем можно согласиться.

Таким образом, в названиях диких и домашних птиц большое место занимает звукоподражательная основа. Звукоподражание имеет прямое отношение и может иметь опосредованное отношение (*дауурбасчы*), образовать имя без аффикса (*кужук*) и с помощью аффиксации (*дауурбасчы*). По структуре звукоподражательные имена птиц могут быть простыми, в основном – двусложными (*кужук, гургур, джюджек и т.д.*).

Библиографический список

1. Базарова Д.Х. К этимологии некоторых древнетюркских названий птиц. – М., 1975.
2. Булаховский Л.А. Общеславянские названия птиц // ИАН ОЯЛ. – 1948. – Вып. 2.
3. Воронин С.В. Основы фоносемантики. – М., 2006.

4. Горцевская Б.А. Изобразительные слова в эвенкийском и маньчжурском языках // Тюркологические исследования. – М.; Л., 1963.

5. Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. – Чебоксары, 1964.

6. Киле И.Б. Образование слова нанайского языка. – М., 1973.

7. Миржанова С.Ф. Северо-западный диалект башкирского языка (Формирование и современное состояние). – Уфа, 1991.

8. Мясер М. Эстонские названия птиц: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Таллин, 1963.

9. Ольмесов Р.Н. Сравнительно-историческое исследование хозяйственной лексики кумыкского языка. – Махачкала, 2004.

10. Садыкова З.Р. Зоонимическая лексика татарского языка. – Казань, 1994.

11. Сафина Э.И. Названия птиц в татарском языке и их лексикографирование: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2005.

12. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков в 4-х томах. – М., 1978–1989.

13. Шаваева Ш.А. Зоонимическая лексика карачаево-балкарского языка. – Нальчик, 2009.

Сокращения

- БРС – Башкирско-русский словарь. – М., 1966.
ГРМС – Гагаузско-русско-молдавский словарь. – М., 1973.
КБРС – Карачаево-балкарско-русский словарь. – М., 1989.
КРС¹ – Киргизско-русский словарь. – М., 1965.
КРС² – Кумыкско-русский словарь. – М., 1969.
ТРС – Татарско-русский словарь. – М., 1966.
ТСКБЯ – Толковый словарь карачаево-балкарского языка. – Нальчик, 1996, 2002, 2005.
ШКРС – Школьный кумыкско-русский словарь. – Махачкала, 2008.